

Тишендорф в поисках «подлинного» Нового завета

*И увидел он, что терновый куст
горит огнем, но куст не сгорает.
Исход, 3, 2*

В начале 1930-х годов распространились слухи о том, что Советское правительство собирается распродать ценные древности и шедевры искусства. Советская Россия нуждалась в твердой валюте, чтобы покупать на Западе машины и технику. Несколько американских дельцов и коллекционеров начали переговоры с советской торговой организацией – Амторгом. Знаменитый Абрахам С. Вольф Розенбах, король букинистов, почувствовал, что он стоит на пороге самой выгодной в своей жизни сделки. Он мечтал приобрести рукопись, которую даже этот желчный космополит расценивал как «важнейшую, самую сенсационную и дорогую из всех известных миру книг». Привыкший оперировать в своих сделках шестизначными цифрами, он все же сказал большевикам, что запрошенная ими цена чересчур высока. Но дверь для переговоров оставалась открытой, и Розенбах надеялся, что сможет добиться компромиссного решения. Тем временем колоритный сенатор от штата Техас Гарри Л. Дарвин тоже начал переговоры с русскими. Он хотел приобрести древнюю рукопись для церкви, к которой сам принадлежал, – методической епископальной церкви Юга.

И тут грянул гром. Через два дня после рождества 1933 г. Британский музей объявил о том, что приобрел у Советского Союза «Синайский кодекс» за самую высокую сумму, когда-либо уплаченную за рукопись, – 100 000 фунтов стерлингов, более чем полмиллиона долларов по тогдашнему обменному курсу (но более чем в половину меньше той суммы, которая была запрошена у Розенбаха, как заявил этот ошеломленный джентльмен корреспонденту «Нью-Йорк Геральд Трибюн»).

Так завершилась длительная и тайная торговая операция, считающаяся по сей день величайшей книжной покупкой на протяжении всей мировой истории. Несмотря на разочарование Америки, христиане во всем мире могли теперь утешиться тем, что библейская святыня была вызволена из атеистического государства. Для попечителей Британского музея это приобретение казалось, вероятно, делом богоугодным и одновременно благодетельным для науки. Призыв к сбору средств на покрытие расходов, связанных с этой покупкой, был встречен с таким энтузиазмом, что вскоре затраченная сумма была перекрыта с лихвой, и правительство Макдональда, обязавшееся внести в кассу музея сумму, равную собранной – «один фунт за каждый собранный фунт», – смогло сохранить для казны довольно приличную сумму.

Интерес к древнему кодексу был подогрет потоком статей, появившихся в ежедневных газетах, а также пылких и не всегда достоверных отчетов в воскресных приложениях. Как только манускрипт был выставлен на всеобщее обозрение в музее, мимо застекленной витрины потянулся бесконечный поток людей, желающих взглянуть на него. По словам сэра Фредерика Кеньона, играю-

шего главную роль в приобретении рукописи, реакция людей «доказала еще раз приверженность англоязычных наций к Библии». С точки зрения такого уточенного литератора, как Олдос Хаксли, этот поток свидетельствовал о свойственном человечеству фетишизме: «Если вы рассматриваете идолопоклонничество как благо, тогда вы от всей души должны приветствовать приобретение кодекса. Я склонен рассматривать идолопоклонство как явное зло».

Лейбористская «Дейли Геральд» зашла так далеко, что назвала весь этот бум «самой вульгарной показухой самых вульгарных богачей». Независимый американский «Нейшн» в несколько более ироническом духе нашел, что, вообще говоря, все должны быть удовлетворены: «Кремль... обменявший реликвию „опиума народа“ на пятьсот десять тысяч добрых христианских монет – приличную сумму, которая поможет индустриализации России... Рамсей Макдональд, доказавший своим друзьям-консерваторам, что даже лейбористский премьер-министр отнюдь не варвар, и, наконец, коммунисты, для которых козырем явится фигура лейбористского премьера, одной рукой покупающего Библию IV в., а другой урезающего пособия XX».

<...>

Тишендорф в поисках «подлинного» Нового завета // Дойель Л. Завещанное временем: поиски памятников письменности. М., 1980. С. 310–312.